

Му Шаомин в таком виде не рискнул возвращаться домой и направился прямо в ту виллу, что была неподалеку от особняка семьи. Превозмогая боль, он принял душ, смыл с себя остатки мази и лишь после этого лег в постель.

То, что он сказал в больнице, не было сказано сторяча. Он действительно не хотел лечиться, желая, чтобы эти раны остались с ним навсегда.

Он должен поблагодарить Фан Хаожаня: этот случай дал ему понять, что Цзян Шэн никогда по-настоящему ему не доверял.

Более того, в сердце Цзян Шэна он не стоил и мизинца Бай Жуйя.

Бай Жуй всего лишь пропал, причем похитил его Чэнь Мин, которого они оба прекрасно знали. Какими бы ни были цели Чэнь Мина или приказы тех, кто стоял за ним, похититель не посмел бы причинить Бай Жую реального вреда.

Все это прекрасно понимали, и только Цзян Шэн, обезумев от тревоги, набросился на него с кулаками и пинками из-за Бай Жуйя, который, возможно, даже не успел пострадать.

Му Шаомину давно следовало понять, насколько Цзян Шэн дорожит Бай Жуем — он знал это лучше кого бы то ни было. Возможно, именно из-за того, что Бай Жуй был слишком слаб здоровьем и не мог выдержать их близости, Цзян Шэн и выбрал его.

И все же, осознавая это до боли ясно, понимая, насколько ничтожен его собственный вес в жизни Цзян Шэна, Му Шаомин не мог заставить себя отступить.

Когда он намеренно не защищался от ударов Цзян Шэна, он думал лишь о том, что было бы лучше, если бы тот забил его до смерти, принеся долгожданное освобождение.

Когда сознание мутилось, Му Шаомин снова ловил себя на мысли: если он умрет, будет ли Цзян Шэн вспоминать о нем? Будет ли он хоть немного скорбеть, когда узнает, что все это было лишь недоразумением?

В противостоянии с Цзян Шэном Му Шаомин не выигрывал никогда — ни в силе, ни в чувствах.

Говорят, что тот, кто влюбляется первым, всегда проигрывает. Он проиграл в пух и прах.

Люди в семье Му были однолюбам, способными любить лишь раз в жизни. Так было с дедом, так было с отцом, и он сам когда-то мечтал о том же.

Но теперь он жалел об этом. Он хотел разлюбить, хотел перестать вешаться на этом кривом дереве по имени Цзян Шэн.

Увы, если уж полюбил, то сердце не перенастроишь.

Му Шаомин закрыл глаза, свернувшись калачиком под одеялом. Он не плакал, но подушка под его щекой намокла.

Раны были слишком тяжелыми, а отказ от лечения лишь усугублял положение. Организм держался на пределе сил, и вскоре Му Шаомин провалился в забытие.

В полубреду ему показалось, что боль в ранах немного отступила, сменившись приятной прохладой. Одеяло, вероятно, сползло на пол, и Му Шаомин, ежась от холода, невольно прижался к кому-то, от кого исходил такой знакомый запах.

Когда он очнулся, то машинально потянулся рукой к другой стороне кровати — там было холодно.

Вчерашнее тепло оказалось лишь иллюзией.

Му Шаомин три секунды колебался между тем, чтобы встать в туалет или продолжить спать, но в итоге все же откинул одеяло.

Выйдя из ванной, он подумал, что раз уж поднялся, то нет смысла переживать из-за лишних минут боли, и решил спуститься вниз, чтобы выпить воды.

Проходя мимо обеденного стола, он внезапно заметил на нем что-то новое. Подойдя ближе, он увидел миску рисовой каши и две легкие закуски, от которых еще исходил пар.

Му Шаомин уже хотел смахнуть все это на пол, но в этот момент зазвонил телефон.

Стиснув зубы, он решил сначала проверить экран — вдруг пришло что-то важное.

Это было сообщение от одного из братьев, которого он вчера просил помочь с поисками Бай Жуйя: Брат Му, я купил тебе каши, она на столе, не забудь съесть, пока горячая.

Му Шаомин выдохнул с облегчением и сел завтракать. До этого он не чувствовал запаха еды, но стоило ему ощутить аромат, как пустота в желудке стала невыносимой.

Му Шаомин предпочел забыть о том, что у этого брата не было ключей от его виллы.

<http://bllate.org/book/18678/1804826>